

присущей ей горячностью и прямою говорит о недостатках, гордится ее успехами в творчестве.

С особым волнением читаешь заключающий книгу очерк «Осень в Крыму». Находясь на отдыхе в Сосновой Роще, Добози узнает о кровавых событиях в Чили. С кем бы он ни встречался в те дни — разговор непременно заходит о судьбе чилийского народа, судьбах мира...

Книги, принадлежащие Добози — романы, очерки, пьесы, киносценарии, сборники рассказов, — исчисляются не одним десятком. Но именно благодаря этой небольшой книге с названием, взятым словно из сказки, особенно живо встает перед нами образ человека твердых убеждений, широких знаний, обостренного чувства ответственности, который своим творчеством помогает молодежи определить свое отношение к миру и свое место в нем.

М. УЛЬРИХ

ЭЛИСЕО ДИЕГО: ВРЕМЯ, СТАВШЕЕ СЛОВОМ

Eliseo Diego. *Nombrar las cosas*. La Habana. Bolsilibros Unión, 1973.

Eliseo Diego. *Noticias de la Quimera*. La Habana, UNEAC, 1975.

Время, наиболее таинственная и неуловимая категория из всех доступных человеку понятий, — тема, смысл и духовный символ поэзии Элисео Диего. Определителями времени предстают перед нами стихи и проза выдающегося кубинского поэта. И не такой уж это невидимка — Время. Кажется, что сфотографирована пустота, а в проявителе поэтического видения медленно, но явственно проступают контуры этого бесплотного скорохода. Время присутствует у Диего «в следах отца на пыльных тропах дней», в фигуре незнакомца: «чудной тихоня — шагом виноватым /он в ночь от нас уходит, в свой удел»; в кубинских селениях, чей красноватый цвет «струится /сквозь пепел рассвета, словно безмолвие»; в героях кубинской истории, о которых рассказывает старик генерал:

И в час, когда в голубизну двора
от рожицы банановой печаль
стекала, листьями шурша в тревоге, —

за пальмами, по контуру бугра,
безмерно ветхие, в ночную даль
бесшумно уходили наши боги¹.

Иногда поэт наблюдает Время со стороны, иногда он сам в нем:

...смотришь, не веря глазам,
как густеющий дым
обволакивает поля,
и наплывает звук —
смутное бормотанье,
а за ним необъятный
общий шорох потемок.
И неожиданно рад,
что вопреки всему
ты оказался внутри
этого ритуала!

¹ Здесь и далее переводы стихов принадлежат автору статьи.

Поступь Времени явственно слышится в опубликованной на Кубе поэтической антологии Элисео Диего «Назвать вещи» (1973), включившей целиком стихи из ранних его сборников «В квартале Хесус дель Монте» (1949), «По диковинным старым селениям» (1958), «Глухое сияние» (1966), «Версии» (1970), а также, выборочно, стихи из «Образчиков мира, или Книги чудес дона Хосе Северино Болоньи» (1968)¹ и несколько стихотворений, объединенных под названием «Фрагменты из возможной книги». Эта антология впервые позволяет рассмотреть эволюцию творчества Элисео Диего, а сборник микро-рассказов «Вести о Химере» (1975), тесно связанный, по словам поэта, с его стихами, и предисловие к нему знакомят нас с размышлениями автора о сути творчества и о развитии кубинской литературы последних десятилетий.

Семнадцать миниатюрных рассказов, входящих в сборник, похожи на сказки, а вернее, на притчи, мораль которых остается на совести читателя, если только он захочет связать события этих почти невероятных историй со своим очевидным опытом.

Это рассказы о прошлом. Автомобильная катастрофа, столь обычная и желанная для уличных зевак, словно срывает оболочку во всего механизма городской жизни, обнажая изнанку жалкого обывательского существования («Стекло безумства»); хозяйин мастерской, производящей разного рода лестницы, исчезает, поднимаясь по одной из них, — ему почудилось, что кто-то его позвал («Никто»); стук домино преследует повсюду героя другого рассказа, и перед его глазами проходят судьбы людей, угасающих вместе с затихающим перестуком домино («Домино»); человек с золотыми зубами, в которого влюбляется девушка, не подозревая, что это сам Дьявол, — совсем как в народном куплете, который Диего приводит эпиграфом к рассказу:

Мне приснился красавец
с золотыми зубами,
я с ним под венец пойду.

Дочка, ведь это Дьявол,
тебя он осыплет златом,
осыплет златом... в аду!

Раскрывая смысл этой притчи, Элисео Диего пишет в предисловии, что в ней заключена «критика алчности и тщеты, этих движущих сил кубинской буржуазии конца века».

А вот в темном парке волшебным вырос куст с неведомыми белыми цветами, заставляющими Маркоса, героя одного из рассказов, задуматься о своем одиночестве («Изнанка»). В этом рассказе, созданном за несколько лет до Революции, — вся печаль «маленького человека» в жестоком мире стяжательства, который напоминает одиночек Гоголя и Достоевского, затерянных в темных лабиринтах большого города и в самих себе. В предисловии к сборнику Диего пишет: «В рассказе «Изнанка» нашло развитие одно из моих постоянных раздумий о

¹ Фрагменты из этой книги были опубликованы в «Иностранной литературе» № 1, 1971.

том, что я назвал бы таинством эстетического созидания, о том, к какой пропасти может привести художника его эгоцентризм; если художник не найдет внешней этической опоры — не потеряется ли он тогда в одном из своих постоянных путешествий внутрь самого себя?»

Обращаясь к молодым кубинским писателям, Диего рассказывает в том же предисловии, похожем на исповедь старшего: «В ту пору... писатель жил в блистательной пустоте: попросту говоря, не было места для него, разве что на мельничных жерновах телевидения и радио».

В рассказах и собранных под одну обложку стихах из всех его книг, написанных почти за тридцатилетие, Диего предстает как поэт, который в годы вынужденного самозаточения не затерялся в «путешествиях внутрь самого себя», а в годы национального и социального обновления, сохранив юношескую чистоту восприятия мира, невыспренними словами и образами живописует кубинскую действительность. Похожи на автопортрет строки из недавно написанного им стихотворения «Ода юному свету», который слепит

свое же неугаснувшее сердце,
не озаботясь ни прибылью, ни убылью;
так чистый, точно соль, блаженный свет
срывает с веток времени листву.

«Ветка времени» — вот снова в неистощимом поиске обличий Времени рисует Диего его портрет. Особенно дороги мне строки, где это Время посещает наш простор, как в стихотворении «В гостях у Ивана Сергеевича», в котором поэт, рассказывая о доме-музее Тургенева, пишет:

По правде говоря,
мы идохнуть боимся: точно тени,
мы за его спиной крадемся тихо,
и если скрипнет невзначай ботинок,
нам так и кажется, что это Время —
что это Время старое скрипит...

А в стихотворении «Встреча в Ленинграде», где Диего с глазу на глаз говорит с Достоевским, — как просто и печально собран мир по берегам неостановимой реки Времени:

На протяжении стольких лет, мой друг,
любить тебя в глухом заокееанье,
приехать и не свидеться и вдруг
понять, что враг людей — не расстояние,
а Время, чей неизлечим недуг!..

К слову сказать, большой удачей для советской поэзии является то, что Элисео Диего возглавляет работу большой группы кубинских поэтов, переводящих русскую и советскую поэзию на испанский язык. Поразительно точны и естественны переводы самого Э. Диего из Н. Асеева, И. Эренбурга, С. Есенина, Н. Заболоцкого, Л. Мартынова, О. Берггольц, М. Алигер, М. Дудина, Б. Слуцкого, А. Межирова, Д. Самойлова, О. Сулейменова и других наших поэтов.

Его собственные стихи, чьи корни питают классическая испанская и латиноамериканская поэзия, даже тогда, когда они написаны верлибром, — пример неразрушимости поэтической традиции, которая, обновляясь,

убедительно выигрывает сражение у переходящих школ поверхностного новаторства, представители которого зачастую вместе с водой выплескивают и ребенка. «Антипоэзия» и «разговорная поэзия» (в их латиноамериканских вариантах), подчас искренние в своем пафосе обновления и поисках нового языка, так часто неубедительны в своем поэтическом итоге.

Образы Элисео Диего, сложенные из простых слов в магические катализаторы метафор, подкупают своей лаконичностью. В его стихах осень —

пора нерасточительных забот,
костра, чью память мы щепой питаем,
скорбя, что свет природы всей погас...

А это строки о воздухе:

как робко прикасается пичуга
к Времени — не гнуший ветку вес...

Акулы — «челноки зубатых Пенелоп»,
ложка — «намек на писклявое первое
/и шамкающее третье, а в общем —/ намек
на крайнюю немощность человека...» И —
все то же Время:

Но, узнав его поближе,
каждый смертный удивится
и поймет:
этот недруг — друг наш верный,
он во всем без исключения живет...
...сдачу нам детьми сдает.

Один из образов Времени помогает понять поэтическую концепцию Диего. В стихотворении «Седьмая муза», посвященном кино, которое он определяет как «свеченье, ткущее покров сюжету», Диего говорит:

Титанам цвета грезилось едва ли,
что сможет холст ожить
в жемчужной сказке,
где время будет времени равно...

Время поэзии, которое было бы равно времени мироздания, — идеал недостижимый, но желание совместить их в слове, напряженное ожидание художника на бессменной вахте, когда Время в своих разных обличьях может явиться в любой момент и надо быть во всеоружии, чуткость к судьбам мира и каждого человека в отдельности и есть отличающая Элисео Диего черта, о чем бы он ни писал: о родном гаванском квартале своей юности Хесус дель Монте, о кубинской провинции, о кубинской истории, возникающей в его диалоге со старыми гравюрами гаванского типографа Болоньи, о родном очаге и домочадцах в книгах «Глухое сияние» и «Версии» или о сегодняшней Кубе, где «трава сдружилась с морем на новорожденной земле — /слепящей земле, рассекающей прозрачные дали».

И то, что он хочет отдать людям, — это тоже Время, но на этот раз оно движется не вспять, а в необозримые пределы будущего, как в его стихотворении «Завещание»:

Не владея ничем, кроме времени,
не владея больше ничем,
кроме памяти о минувших ночах
и ее бесконечно трепетной сладости,

СРЕДИ КНИГ

не владея в конечном счете ничем
между землею и небом,
кроме памяти и этого времени,
и решив написать завещание,
я пишу, сбрасывая с себя
это
время:
я завещаю вам Время — все Время.

Стихи Элисео Диего точно сходятся с его духовным обликом — открытостью, искренностью, интересом к людям, странам, убежденностью в правоте человека, создающего мир не только своими руками, но и трудом души своей. Заметки эти мне хочется закончить стихами о моем друге — замечательном кубинском поэте:

Да, есть Поэт, он дружен со временем,
— так чисто
Оно в его напевах воркует и лучится,
как будто Время — птица, которая
на плечи
садится к этой мудрой неторопливой
Речи
и ластится к Поэту с бородкою корсара,
а выглядит Диего ни молодо, ни старо,
вот он идет навстречу (в Москве
или Гаване),
на нем гуайавера, пяток сигар в кармане,
слова текут лениво, но каждое весомо,
с ним просто и надежно,
как будто бы ты дома,
он говорит чуть странно
и так же странно пишет,
но он и сам чуть странный,
а пишет он как дышит...
Я об одном мечтаю, чтоб в эту пору
снега
друзей побольше стало у доброго Диего.
Он прошлою зимою в Москве на
рождество
читал мне свою книгу. Я полюбил его.

ПАВЕЛ ГРУШКО

«СКРОЙСЯ, ВЕЩИ!»

Raymond Jean. La femme attentive. Paris, Éditions du Seuil, 1974.

« кружевном отделе давка с каждой минутой все возрастала. Грандиозная выставка белых товаров достигла здесь своего апогея в ослепительной белизне тончайших драгоценных кружев. Это было наиболее опасным искушением, желания бешено разгорались, женщины прямо сходили с ума. Отдел был превращен в белую капеллу. Тюль и гипюр ниспадали сверху, образуя белое небо, легкую завесу облаков, застилающую своею тонкой сетью утреннее солнце. Вокруг колонн, в белом трепете простершись до самой земли, спускались волны... кружев, похожие на пачки балерин. На всех прилавках, со всех сторон блистала снежная белизна испанских блонд, легких, как дуновение ветерка, брюссельских аппликаций, с крупными цветами на тонкой основе, кружев ручной работы и кружев венецианских, с более тяжелым рисунком, алансонских и брюггских, блиставших царственным и поистине церковным величием. Казалось, здесь находится жертвенник какого-то божества женских нарядов».

Так ярко живописал Эмиль Золя в романе

«Дамское счастье» крупнейший магазин прошлого века.

Открыв новую книгу прогрессивного французского писателя Раймона Жана «Внимательная женщина», мы снова попадаем в огромный универмаг, но уже ультрасовременный, являющий собой еще более гигантскую ярмарку товаров по сравнению с магазином, оживающим перед нами на страницах «Дамского счастья». За прошедшее столетие владельцы больших магазинов научились действовать куда изобретательнее и изощреннее своего ловкого и хищного предшественника Октава Муде, безжалостно эксплуатируя человеческие слабости, вкусы и быстро меняющуюся моду. Слово громадные пауки, подобные универмаги расставляют на каждом шагу сети, терпеливо дожидаясь своих жертв Эти торговые колоссы — своего рода символ «общества потребления», где царствует «вещь», где все призывает потреблять и покупать.

Художественные средства, использованные в романе «Внимательная женщина», отчасти напоминают приемы, уже опробованные Р. Жаном в предыдущей книге — повести «Двенадцатый маршрут» (1973), рассказывающей о тяжелой участи рабочих-эмигрантов во Франции. Повесть эта, в которой писатель обратился к столь острой для страны проблеме, имела большой успех.

«Двенадцатый маршрут» начинается с подробнейшего и как будто бесстрастного описания автобуса и его пассажиров, среди которых едет и герой, рабочий-алжирец по имени Мехди. Кажется, ничто не предвещает драматических событий, и тем не менее мы чувствуем: вот-вот что-то случится. И чем дальше — внутреннее напряжение становится все более ощутимым. Наконец это «что-то» происходит — зацепкой же служит невинная просьба героя, обращенная к водителю: открыть дверь автобуса, попавшего в пробку. Долго сдерживаемая пружина стремительно распрямляется — события следуют одно за другим, и конфликт, возникший на пустом месте (его бы просто не было, если бы речь шла о французском рабочем), завершается судебным процессом, в результате которого Мехди приговаривают к уплате непомерно высокого штрафа.

Роман «Внимательная женщина» также начинается с обстоятельного, похожего на замедленную съемку, документально точного описания — на сей раз магазина-гиганта, куда забрела без копейки денег героиня. Страницы эти занимают целую треть книги. Употребляя краски гораздо более сдержанные, чем в свое время Золя, и не скрывая горькой иронии, воссоздает Р. Жан атмосферу, царящую в универмаге: калейдоскоп товаров, зазывалы, рекламирующие дешевую распродажу, покупатели, «слепые и глухие, словно автоматы», снующие вверх и вниз по многочисленным эскалаторам. Да и сама героиня — автор сообщает нам только ее имя — ничем не выделяется из этого потока обезличенных потребителей.

Как завороченная переходит Вероника из отдела в отдел, не в силах оторваться от